

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Республика Беларусь*

**Советско-германский договор о ненападении
от 23 августа 1939 г. в отражении польской межвоенной прессы**

В статье рассматривается реакция польской прессы на советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. Показывается, что польское общественное мнение не связывало заключение пакта Молотова-Риббентропа с угрозой польскому суверенитету. По мнению публицистов, соглашение СССР и Германии не имело характера стратегического сотрудничества. По словам журналистов, целью советской дипломатии являлась отсрочка от вступления в общеевропейский военный конфликт и приобретение свободы рук на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, дипломатия, общественное мнение, пресса, Польша, СССР*

Основным внешнеполитическим событием последней недели накануне Второй мировой войны стало заключение 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении. В этой связи представляет интерес анализ реакции польского общественного мнения на эту договоренность. Отношение к заключенному в Москве соглашению можно реконструировать на основании анализа мнений, которые высказывались в польской периодической печати. Следует отметить, что несмотря на авторитарный характер политического режима санации, в Польше существовала неподконтрольная властям печать, отражавшая широкий спектр позиций политических сил в стране от крайне правых в лице «Национально-радикального лагеря» до левых, представленных Польской партией социалистов. Эта существенная особенность польской периодики позволяет ее использовать в качестве надежного источника для реконструкции господствовавших в польском обществе взглядов.

Любой обзор периодической прессы был бы неполным без учета точки зрения, выражающей официальное мнение. Главный официоз страны «Польская газета» отозвался на известие о заключении советско-германского договора передовицей под названием «Демонстрация, которая не нарушит равновесие». В ней констатировалось, что произошедшее не является неожиданностью для Польши, которая в отношении СССР много лет подряд следовала политическим заветам Юзефа Пилсудского. По мнению публициста, СССР никогда не собирался быть «активным или решающим участником игры европейских сил» [2, с. 1]. Это обусловлено тем, что советская Россия изначально являлась не столько европейским государством, но «евро-азиатским, ослабленным изнутри и сильно завязнувшим на Дальнем Востоке, не только не имела сил, но и не проявляла ни малейшего желания быть конструктивным элементом мирной европейской

политики» [2, s. 1]. Напротив, вся советская политика, по мнению санационных журналистов, была направлена на разжигание противоречий и столкновений, а еще лучше – войны в Европе. Это якобы диктовалось коминтерновской «доктриной революции», для которой война должна была «расчистить дорогу» [2, s. 1]. При этом само географическое положение советской России «позволяло бы ей держаться подальше от войны на первом, а может и на дальнейших этапах» [2, s. 1]. В любом случае этот договор никак не изменил политический расклад сил и прочность англо-франко-польского союза. СССР получил способ для давления на Японию, а нацистская Германия в ведущейся «войне нервов» приобрела лишний пропагандистский аргумент. В целом панической реакции на прилет министра иностранных дел Германии И. Риббентропа в Москву на страницах издания не просматривается. В частности, первая страница официального издания Министерства военных дел «Вооруженная Польша» 24 августа открывалась передовицей с заголовком «Манифестация польско-американской дружбы», посвященной встрече посла США с польским президентом. Правда, почти вся вторая страница была занята под корреспонденции о реакции зарубежных держав на заключение пакта. Однако сами заголовки красноречиво говорят о тональности этих публикаций: «Пакт без практического значения» [10], «В Японии возмущение, в Италии и Испании растерянность» [13], «Успех для внутреннего употребления» [12]. За четыре дня до войны публицист санационной «Польской газеты», обобщая свои наблюдения за французской реакцией на пакт Молотова-Риббентропа, с удовлетворением констатировал, что теперь всем стало ясно, что «Россия как фактор равновесия покинула Европу» [6, s. 3]. Соглашение от 23 августа 1939 г. покончило с многолетними иллюзиями построения европейской системы на «российской опоре». Это вносило «деморализующие иллюзии на отношения с Польшей», но теперь во Франции всем станет ясно, что «Польша не является авангардом какого-то несуществующего, туманного славянского гиганта, ... но сама по себе является основанием европейского равновесия» [6, s. 3]. В следующем номере в статье «Алгебра и пропаганда» публицист В. Ипхорски-Ленкевич охарактеризовал пакт как «типичный акт отчаяния» [3, s. 3] зашедшей в тупик германской дипломатии.

По словам передовой статьи рупора польской национал-демократии «Варшавского национального ежедневника» об этом событии просто невозможно не писать. В статье редактора издания С. Козицкого «Гитлер и Советы» утверждалось, что подписанное соглашение является примером конъюнктурного договора в отличие от польско-британского договора. По мнению автора, целью внешней политики СССР являлся раскол Антикоминтерновского пакта и давление на Великобританию и Францию. Он даже предполагал, что Япония и Испания в отличие от Италии, могут серьезно отнестись к советско-германскому договору. Устремления нацистской Германии трактовались как следование прагматическим интересам далеким от идеологических установок. Если первоначально Гитлеру было выгодно представлять Германию как защитницу стран Центрально-Восточной Европы от большевизма, то теперь по тактическим соображениям антикоммунистическая риторика была убрана. По мнению С. Козицкого, пакт Молотова-Риббентропа находится в одном ряду с предложениями аналогичных пактов Румынии, Югославии, Венгрии. Эти

предложения являются повторениями исторически проверенной стратегии, которая заключается в «обещании очередным народам востока Европы, что ценой согласия на поглощение соседа, находящегося ближе к Германии, их оставят в покое» [7, s. 3]. На самом деле истинные цели Германии заключаются в установлении своего политического господства на востоке Европы. Гитлер скорее продолжает внешнеполитическую традицию имперской Германии времен Вильгельма II. Он не оставит перед собой сохранения статус-кво в Восточной Европе, а будет стремиться сделать из нее «свои «протектораты» [7, s. 3], причем главной целью нацистской Германии на востоке польский публицист считал Украину. Эта страна «текущая молоком и медом, опирающаяся на Черное море и дающая доступ к кавказской нефти, могла бы на некоторое время успокоить немецкие амбиции и аппетиты» [7, s. 3]. Исходя из этих соображений, автор предлагал лицам, ответственным за внешнюю политику, сделать соответствующие выводы.

Печатный орган польских христианских демократов «Голос народа» полагал, что пакт не привносит ничего нового в польскую внешнюю политику. По мнению этого издания, подтвердились предупреждения польской дипломатии о напрасном доверии западных демократий в отношении СССР. Более того, советско-германский договор «сильно повысил значение Польши в европейской политике» [14, s. 1], поскольку для Франции и Великобритании стала очевидной ненадежность СССР. Заключая пакт, советская внешняя политика, во-первых, стремилась усилить свои позиции на Дальнем Востоке; во-вторых, получить свободу рук в отношении государств Балтии. Наконец, советско-германское соглашение было направлено на выигрывание времени для наблюдения за «изменением европейской ситуации, чтобы занять относительно нее выгодное положение» [14, s. 1]. Для Германии подписание договора с СССР расценивалось как акт отчаяния и способ «устрашения противников и внесение замешательства» в сложившуюся антигерманскую коалицию. В последующих публикациях указывалось, что публицисты газеты всегда «считали наивностью начало военных переговоров со стороны Франции и Англии» с советской стороной, на помощь которой Польша «никогда не рассчитывала» [5, s. 1].

В польской прессе даже публиковались сообщения о негативной реакции советских граждан на заключение пакта. В частности, в упоминавшемся выше «Голосе народа» печатались известия о том, что на советских предприятиях в знак протеста произошли забастовки, которых не было со времен российской революции 1917 г., публично сжигались в знак протеста газеты с сообщениями о соглашении между Германией и СССР. Среди комсомольцев и членов партии якобы открыто высказывалось недовольство: даже К. Ворошилов, А. Жданов не поддерживали идею соглашения [11, s. 3].

Представляет интерес первая реакция на сообщения из Москвы главного редактора консервативного «Слова» С. Мацкевича. В статье под названием «Van der Luebbe» ведущий публицист этого влиятельного издания утверждал, что пакт о ненападении не вызвал такого удивления в Польше, как во Франции и Великобритании. Публицист был убежден в том, что англо-французские усилия по заключению договора с СССР были изначально обречены на неудачу. По мнению С. Мацкевича, главная цель советской политики заключалась во

«всеобщей европейской войне, в которой они бы не принимали участия» [1, s. 1]. Причина такой позиции заключалась в том, что СССР не в состоянии принимать участие в боевых действиях. Советский транспорт с трудом справляется со своими задачами в мирное время, степень моторизации перевозок минимальна, поголовье лошадей в два раза меньше, чем накануне коллективизации, сельское хозяйство в упадке. Мобилизация и военные действия мгновенно обернутся транспортным и продовольственным коллапсом еще более серьезным, чем тот, что стал причиной российской революции 1917 г. Если к этому добавить дезориентацию командного состава РККА из-за «расстрелов генералов целыми табунами» [1, s. 1], общее недовольство властями, то станет понятным, что «Советская Россия по мировым меркам не является ни особенно грозным противником, ни особенно желательным союзником» [1, s. 1]. Если к этому добавить, что в силу отношений с Японией СССР вынужден держать на Дальнем Востоке значительные воинские силы, то слабость советских позиций станет очевидной. Только в Западной Европе питают иллюзии на предмет военной силы СССР, причем приблизительно такие же, какие недавно испытывали в отношении Чехословакии. Между тем на востоке от Германии единственной военной силой «остаётся только и исключительно Польша» [1, s. 1]. Возможностей СССР хватает лишь на то, чтобы выиграть в войне против Эстонии и Латвии, но польский восточный сосед «не способен к длительным усилиям, которых будет требовать мировая война» [1, s. 1]. СССР не сможет оказать какую-либо существенную помощь Германии, но приобретет «настоящий нейтралитет, эвентуальное нападение на кого-нибудь очень слабого, после чего СССР будет ждать пока поля Европы не превратятся в поля сражений, усыпанные трупами» [1, s. 1]. В советско-германских отношениях главным двигателем была «трусость» Сталина, который боялся повторить судьбу императора Николая II. Именно поэтому начиная с Брестского мирного договора 1918 г., через Рапалло, советская сторона шла на «уступки и установление контактов» с Германией [1, s. 1]. В свою очередь, внешняя политика Гитлера привела к тому, что из идеолога крестового похода против коммунизма и создателя Антикоминтерновского пакта, он превратился в угрозу для Западной Европы. Мацкевич уверенно заключил, что в будущей войне Польша окажется в союзе «свободных народов» против «объединенных коричневых и красных тоталитаризмов» [1, s. 1]. В любом случае редактор журнала призывал не пренебрегать советско-германским пактом, поскольку полагал, что любое российско-немецкое согласие оборачивается опасностью для Польши. По словам публициста, «формула хорошей конъюнктуры для польской политики» заключается в «антагонизме Берлина и России» [1, s. 1]. Поэтому он призывал читателей не прятать голову в песок, но готовиться к войне «в защиту независимости и чести» [1, s. 1].

Один из руководителей Польской партии социалистов М. Неджялковский на страницах левой «Рабочей газеты» в статье «Москва и Берлин. Первые последствия» утверждал, что пакт, нацеленный против Польши, на самом деле ударил «по голове ... японской» [9, s. 3]. Договор являлся примером крайне неудачной внешней политики, разрушившей все рациональные основания немецкой дипломатии. Первой же реакцией публициста было утверждение о том, что после пакта «для Польши, для Великобритании и для Франции ситуация не

подлежит изменению. В ближайшем будущем остается в силе наша общая воля к обороне и наше общее решение об обороне» [8, s. 3]. Напротив, СССР стремится сыграть «роль «суперарбитра» в ближайшем или отдаленном будущем» и выигрывает время на сосредоточение своих усилий на дальневосточном направлении против Японии. Это обуславливало, по мнению идеолога ППС, стремление «занять выжидательную позицию на случай мирового конфликта» [8, s. 3]. Эта стратегическая линия советской внешней политики оказывала значительную услугу Германии, что не укрылось от «народных масс Польши и Запада» [8, s. 3].

Главный редактор национал-радикального ежедневника «АВС» Ян Королец уверял, что пакт является шагом советской дипломатии на пути политики «доведения до мировой войны, однако такой войны, в которой Советы, по крайней мере в начале, не принимали бы участия» [4, s. 3]. Мировая война была необходима Коминтерну и «мировому еврейству» с целью расчищения пути «мировой революции» [4, s. 3]. Именно поэтому редакция национал-радикального издания не верила в серьезность советских намерений на предмет заключения договора с Великобританией и Францией, поскольку это бы установило прочную преграду немецкой агрессии. Договор о ненападении должен был подтолкнуть нацистскую Германию к войне против государств Западной Европы, но не означал какого-либо существенного советско-германского сотрудничества. В свою очередь Германия, заключая пакт, безуспешно пыталась оказать давление на своих противников, но лишь внесла смятение в ряды своих потенциальных союзников.

Таким образом, за неделю до Второй мировой войны заключение советско-германского пакта не считалось в польском общественном мнении прямой угрозой независимости Польши со стороны СССР. В этой связи нельзя согласиться с выводами авторов коллективной монографии под эгидой Института славяноведения РАН о том, что польская «печать заговорила о приближавшемся четвертом разделе Польши» [15, с. 273]. На страницах польской прессы была распространена убежденность в том, что заключение договора означало попытку советской дипломатии отсрочить свое вступление в войну с целью перенаправления немецкой агрессии на запад. В свою очередь Германия, по мнению публицистов, надеялась шантажировать государства Западной Европы и повторить новый Мюнхен. Однако она лишь окончательно скомпрометировала идеологические основания своей антикоммунистической политики перед странами-участницами Антикоминтерновского пакта и государствами Центрально-Восточной Европы. Польские публицисты полагали, что советско-германские соглашения являются внешней демонстрацией, которая может угрожать независимости прибалтийских государств, но не Польше. При этом авторы ведущих газет были убеждены в том, что СССР получил по сравнению с нацистской Германией большой дипломатический выигрыш, усилив свои позиции на Дальнем Востоке в конфликте с Японией. Польская пресса всех оттенков общественно-политической мысли по-прежнему возлагала свои надежды на союз с Великобританией и Францией. В ее глазах советско-германское соглашение окончательно скомпрометировало СССР перед лидерами Западной Европы, подтвердив необходимость их союза с Польшей. Несмотря на

негативный образ СССР в польском общественном мнении немецкая военная угроза воспринималась как многократно более существенная. Например, на страницах консервативного «Слова» СССР трактовался скорее как колосс на глиняных ногах, чем реальная угроза польской независимости. Подписанное в Москве 23 августа 1939 г. соглашение тонуло в многочисленных сообщениях о вооруженных стычках и провокациях на польско-германской границе, публикациях о решительных заявлениях британских и французских высших должностных лиц в знак солидарности с Польшей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Cat Van der Luebbe / Cat // Słowo. – 1939. – № 231. – 23 sierpnia. – S. 1.
2. Demonstracja, która nie zaważy na szali // Gazeta Polska. – 1939. – № 233. – 23 sierpnia. – S. 1
3. Ipohorski-Lenkiewicz, W. Algebra i propaganda / W. Ipohorski-Lenkiewicz // Gazeta Polska. – 1939. – № 238. – 27 sierpnia. – S. 3.
4. J.K. Istotny sens paktu / J.K. // ABC. – 1939. – № 245. – 24 sierpnia. – S. 3.
5. J.T. Po podpisaniu paktu / J.T. // Głos narodu. – 1939. – № 234. – 25 sierpnia. – S. 1.
6. Korab-Kucharski, H. Za sprzecznościami rzeczywistość / H. Korab-Kucharski // Gazeta Polska. – 1939. – № 237. – 26 sierpnia. – S. 3.
7. Kozicki, S. Hitler i Sowiety / S. Kozicki // Warszawski Dziennik Narodowy. – 1939. – № 233. – 24 sierpnia. – S. 3.
8. Niedziałkowski, M. Berlin i Moskwa / M. Niedziałkowski // Gazeta Robotnicza. – 1939. – № 202. – 23 sierpnia. – S. 3.
9. Niedziałkowski, M. Moskwa i Berlin. Pierwsze konsekwencje / M. Niedziałkowski // Gazeta Robotnicza. – 1939. – № 203. – 24 sierpnia. – S. 3.
10. Pakt bez praktycznego znaczenia // Polska Zbrojna. – 1939. – № 234. – 24 sierpnia. – S. 2.
11. Rozruchy i strajki w Sowietach następstwem paktu // Głos narodu. – 1939. – № 235. – 26 sierpnia. – S. 3.
12. Sukces na użytek wewnętrzny // Polska Zbrojna. – 1939. – № 234. – 24 sierpnia. – S. 2.
13. W Japonii oburzenie, we Włoszech i Hiszpanii konsternacja // Polska Zbrojna. – 1939. – № 234. – 24 sierpnia. – S. 2.
14. W.Z. Moskiewska niespodzianka / W.Z. // Głos narodu. – 1939. – № 232. – 23 sierpnia. – S. 1.
15. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А.Ф. Носкова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – 952 с.